

М.С. ПОЛИНСКАЯ, В.Ю. ЧЕРНИН

Терминология родства у крымчаков

1. Вводные замечания. Крымчаки — тюркоязычная субэтническая группа евреев, сформировавшаяся в XIV–XVI вв. на территории Крымского ханства в ходе языковой, конфессиональной и культурной консолидации осевших в Крыму выходцев из еврейских общин различных стран Ближнего Востока, Южной и Восточной Европы, а также потомков старожильского населения полуострова — приверженцев ортодоксального (талмудического) иудаизма. Крымчаки традиционно проживали почти исключительно в городах, что не могло не отразиться на их материальной и духовной культуре (крымчакские сельские населенные пункты — колония Раатлыкой или Рогатлыкой, в середине XIX в. и два колхоза в 30-х гг. XX в. — существовали очень недолго и концентрировали незначительную часть группы). Традиционным центром расселения крымчаков был г. Карасубазар (ныне Белогорск); в настоящее время относительно представительное крымчакское население имеется в Симферополе, Новороссийске и Сухуми. В результате массового уничтожения крымчаков нацистами в период временной оккупации Крыма численность группы резко сократилась и составляет, по оценке 1979 г., 1,8 тыс. человек (Куповецкий 1983: 87).

До первой трети XX в. языком повседневного общения у крымчаков был крымчакский вариант (далее КРЧ) крымско-татарского языка (далее КРТ); ср. характеристику КРЧ как городского жаргона в Дейнард 1878: 115–116; Самойлович 1924: 111 и как этнолекта в Чернин 1983: 98. О владении крымчаками древнееврейским языком, выступавшим как язык богослужения, см. Чернин 1988. Существовала письменная традиция КРЧ на основе квадратичного алфавита, к настоящему времени она практически полностью утрачена. По-видимому, особая письменная традиция способствовала сближению КРЧ с крымско-караимским (КАР)

и несколько увеличивала расхождение между КРЧ и КРТ. Введенная в конце 20-х гг. XX в. письменность на латинской основе широкого распространения не получила. У современных крымчаков КРЧ практически вытеснен русским языком (удовлетворительное владение КРЧ наблюдается в основном у лиц не моложе 1915–1917 года рождения). Крымчаки более молодого возраста склонны характеризовать утраченный КРЧ как особый язык (в литературе такая точка зрения впервые высказана в Филоненко 1972: 9; ср. также Moskowitch, Tukan 1986: 10). Однако наиболее пожилые из информантов и носители среднего и южнобережного диалектов КРТ оценивают КРЧ как „татарский” язык; так, трое из опрошенных информантов, 1910, 1915 и 1917 г.р., предлагали авторам этих строк послушать крымско-татарские песни как крымчакские.

Лексикостатистическое сравнение КРЧ, степного и среднего КРТ позволяет классифицировать КРЧ как говор среднего диалекта КРТ (см. Козинский, Полинская 1987: 56). В цитированной работе не учтены данные КАР; по стандартному 100-словному списку (см. Сводеш 1960), полученному от носителя КАР, КРЧ и КАР демонстрируют 94% совпадений. Это дает возможность объединить их как варианты одного говора, который — с учетом фактов истории и культуры крымчаков и крымских караимов — может справедливо быть охарактеризован как этнолект. Данные лексикостатистического сравнения КРЧ, КАР, трех традиционно выделяемых диалектов КРТ (степного, среднего, южнобережного), ногайского и турецкого показаны в табл. 1.

	КАР	КРТс	КРТю	КРТст	НОГ	ТУР
КРЧ	94%	89%	84%	83%	80%	79%
КАР	.	89%	84%	86%	85%	81%
КРТс	.	.	92%	82%	83%	84%
КРТю	.	.	.	82%	79%	91%
КРТст	.	.	.	.	87%	81%
НОГ	.	.	.	.	.	78%

Таблица 1. Данные лексикостатистического сопоставления КРЧ, КАР, КРТ (с — средний, ю — южнобережный, ст — степной диалекты), ногайского (НОГ) и турецкого (ТУР) по стандартному стословному списку.

2. Терминология родства. Общая характеристика и типологические параллели. Термины родства КРЧ записаны от ряда информантов: Бакши А.Я., 1916, уроженец Карасубазара, Бакши Я.М., 1905, уроженец Керчи, Бакши Е.С., 1912, уроженка Карасубазара, Габай Д.А., 1910, уроженец Феодосии, Габай С.А., 1915, уроженка Карасубазара, Конфино Ш.А. (урожд. Пейсах), 1917 г.р., уроженка Феодосии, Набуко С.Г. (урожд. Гурджи), 1915, уроженка Симферополя, Пейсах А.М., 1900 г.р., уроженец

Карасубазара, Пиастро М.Е., 1894 г.р., уроженец Симферополя. Работа велась с 1977 по 1987 г. (с перерывами).

В связи с резким сужением сферы функционирования КРЧ часть терминов родства и свойства могла быть утрачена информантами; соответственно, в приводимом ниже материале могут быть лакуны.

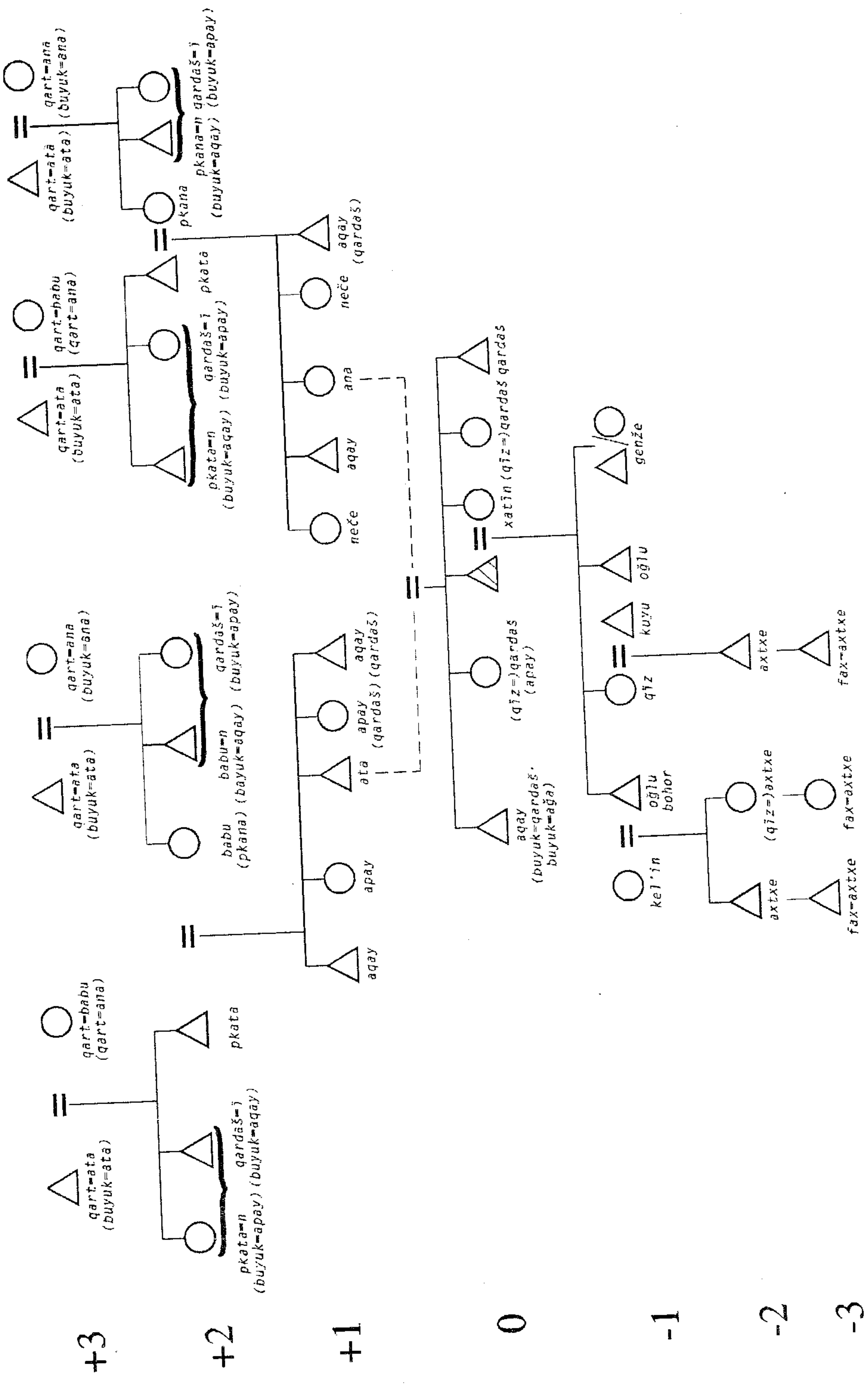
При описании терминосистем родства обычно различают референтивную систему (систему, используемую индивидом, который выступает как „точка отсчета“, для характеристики его родственных и свойственных отношений) и вокативную систему (термины, используемые для прямого обращения к родственнику/свойственнику). Ниже основное внимание уделяется референтивной системе; там, где это не оговаривается особо, имеется в виду именно она.

Термины родства (для Эго — мужчины) показаны на рис. 1. Треугольник обозначает лицо мужского пола, кружок — лицо женского пола, брак изображается символом $=$, вертикальная прямая линия обозначает порождение потомства в данном браке. Символ Эго заштрихован. Обозначения поколений: „0” — поколение Эго; „+1” — родители Эго (первое восходящее), „+2” — родители родителей Эго (второе восходящее), „+3” — родители родителей родителей Эго (третье восходящее), „-1” — дети Эго (первое нисходящее), „-2” — внуки Эго (второе нисходящее), „-3” — правнуки Эго (третье нисходящее). Сравнительно менее употребительные термины, предлагавшиеся информантами как альтернативные более частым, взяты в скобки. Знак для относительно старшего сиблинга в горизонтальном поколении располагается левее.

Термины для Эго — женщины аналогичны показанным на рис. 1, термин для мужа — *qoza*. На рис. 1 приведены только специальные термины; описательные термины, построенные с использованием притяжательной конструкции (например, ‘племянник/племянница’ *aqaŋ=iŋ =nīn bala=sī*, букв. ‘моего=дяди(ген.) ребенок=его’) опущены.

На рис. 2 показаны основные термины свойства для Эго — мужчины (термины родства, для облегчения чтения, не повторяются). Термины свойства для женщины Эго в основном совпадают с показанными на рис. 2.

Родовые термины для родственника и свойственника образуют, по-видимому, следующие оппозиции. Наиболее общим наименованием для родственника и для свойственника (т.е. наименованием для всякого индивида, входящего в фиксированные отношения с Эго) является *tuğan*. При необходимости указать именно на родство, *tuğan* может противопоставляться *doğmıŋ* ‘кровный родственник’ (*doğ* = ‘родить, родиться’). Представление о кровном родстве, вероятно, устойчиво связывается с представлением о близком родстве, и зафиксированы случаи, когда термин *doğmıŋ* применяется к супругу. Таким образом, в противопоставлении *tuğan* —

Puc. 1

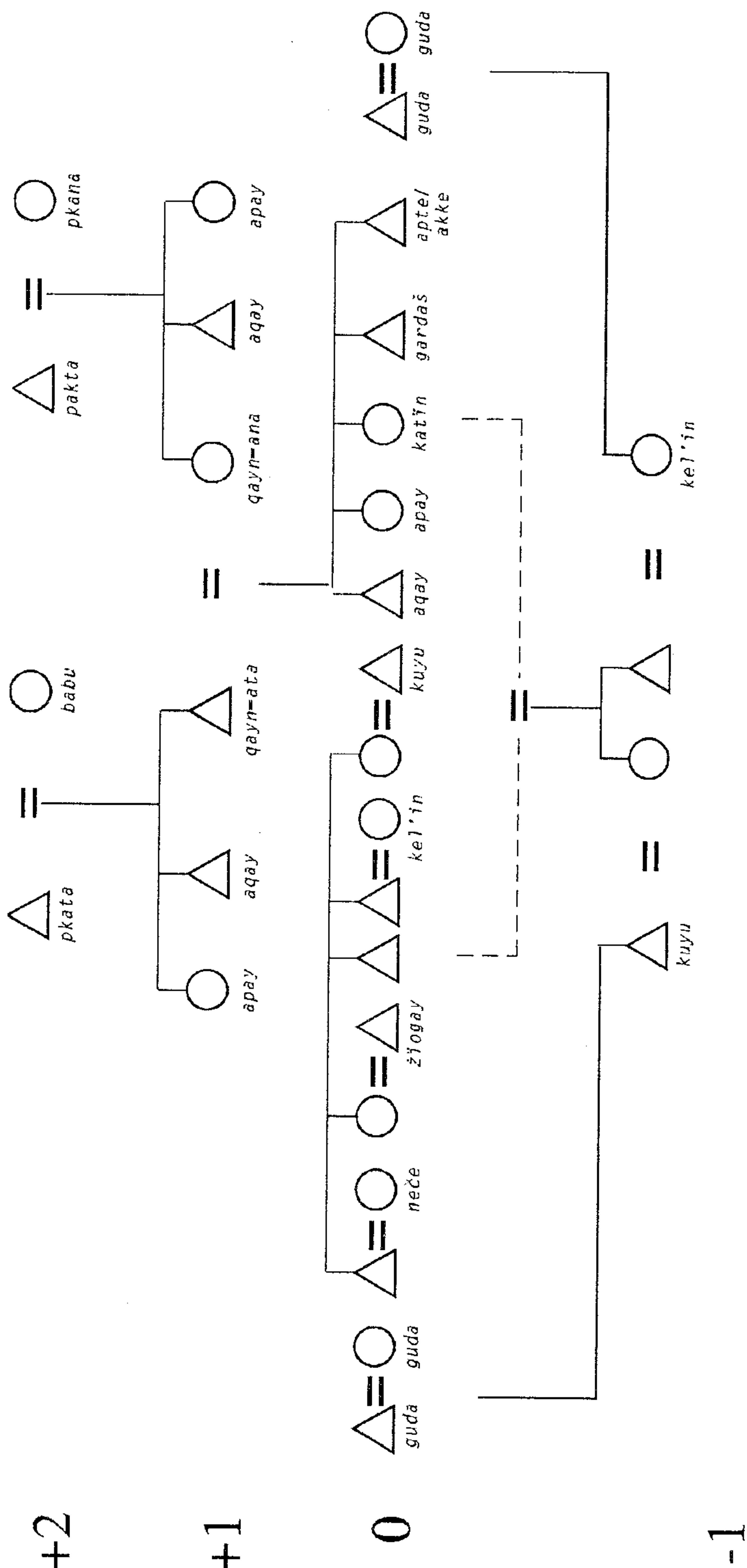

Рис.2

doğmuş первый член не маркирован, а второй маркирован как указывающий на кровное/тесное родство. При описании отношений свойства *tuğan* может быть противопоставлен термину *quda* в расширительном употреблении последнего ('свойственник'). Оппозиция *tuğan* — *quda* функционально аналогична оппозиции *tuğan* — *doğmuş* : различительным признаком в обоих случаях является степень родства/свойства.

Сравнение терминологии родства КРЧ с терминологией родственных, в том числе ареально близких, тюркских языков¹ позволяет сделать следующие наблюдения.

1) Обращает на себя внимание наличие в КРЧ отдельных терминов для предков женского пола по мужской и женской линии (соотв. в +2: *pkana* — *babu*, в +3: *qart* = *babu* — *buyuk* = *ana*). Такое противопоставление терминов, пусть в некоторой степени стертое за счет использования дублирующих терминов, отличает терминологию родства от турецкой, где предки женского пола в +2 поколении обозначаются одним термином *büyük* = *anne*, в +3 — *kart* = *ana*. В прочих рассмотренных терминосистемах прослеживается различие предков (причем обоего пола) по мужской и женской линии в +2 поколении. Следует также отметить наличие в КРЧ отдельных терминов для обозначения сестер отца и матери (соотв. *apaу* — *neşe*). Аналогичные противопоставления наблюдаются в среднем и южнобережном КРТ и в турецком, однако отсутствуют в степном КРТ и в ногайском. Во всех рассмотренных терминосистемах, кроме ногайской, отсутствует различие потомков в -2 поколении по полу.

2) В системе терминов родства КРЧ различаются сиблинги старше и младше Эго (соотв. для муж./жен. *aqaу/apaу* и *qardaş/(qiz =) qardaş*), причем термин для старшего брата совпадает с термином для дяди по обеим линиям, а термин для старшей сестры — с термином для тетки по отцу. В первом нисходящем поколении имеются специальные термины для сына-первенца и младшего ребенка любого пола (подробнее об этих терминах см. п. 3). В других рассмотренных нами терминосистемах указанное противопоставление имеет место для первого восходящего поколения и поколения Эго; особый термин для младшего ребенка, совпадающий с термином КРЧ, имеется в турецком и среднем/южнобережном КРТ. В терминологии свойства КРЧ наблюдается противопоставление супругов сиблингов старше и младше Эго, а также аналогичное противопоставление сиблингов, старших — младших супруга Эго (для Эго

¹ Данные по трем диалектам КРТ получены от информантов, данные для турецкого получены от информанта и дополнены по словарю, ногайский материал получен по словарю и проверен с информантом; надежных данных для КАР получить не удалось. В записи турецких терминов родства авторы следуют нормативной турецкой орфографии.

обоого пола), соотв. *neče* — *ke'in*, *zīnaqay* — *kuuy*, *aqay* — *qardaš*, *apaу* — *apte/ahke*. Существует ли противопоставление названных свойственников, в зависимости от того, старше они Эго или младше, неизвестно (информанты затрудняются ответить на соответствующие вопросы). Однако противопоставление такого рода зафиксировано для терминов, обозначающих жену брата отца: в том случае, если она старше Эго, используется термин *neče* (и как вокативный, и как референтивный), если младше — *ke'in*. Показанные противопоставления прослеживаются во всех рассмотренных терминологиях, но в степном КРТ и ногайском они подверглись меньшей редукции.

3) С существенностью для терминологии родства КРЧ признака „близкое родство/свойство” согласуется, на наш взгляд, неразработанность терминов для непрямых сиблингов в 0, -1 и -2 поколениях (для понятий „кузен”, „племянник” имеются только описательные термины, построенные по притяжательной модели). Аналогично устроены турецкая и КРТ (средний и южнобережный диалекты) терминосистемы; в степном КРТ и ногайском имеются специальные термины для непрямых сиблингов в горизонтальном поколении.

4) Термины родства и свойства КРЧ в первом и втором восходящем поколении совпадают вплоть до рассмотренного выше противопоставления *rkana* — *babu*. Основная терминология свойства в нулевом поколении (ближайшие родственники супруга) близка к терминологии родства, с тем отличием, что для младшей сестры жены имеется особый термин *apte/ahke*, этимологически связанный с характерным для кыпчакского ареала термином *apte* (ср. ногайск. *apte* ‘старшая сестра Эго’, КРТ степн. *apte* ‘старшая сестра Эго; жена старшего брата Эго’).

Анализ терминологии родства свидетельствует о преобладании огузских элементов в КРЧ (так же, как в южнобережном и среднем КРТ), в то время как терминология степного КРТ сближается с кыпчакской, например с ногайской (аналогичные заключения о генетическом и ареальном соотношении названных языков, полученные на ином материале, делаются в: Изидинова 1983: 89; Doerfer 1959: 369–373; Lazzarini 1985: 110–112).

3. Некоторые термины родства КРЧ: внутриязыковой комментарий.

1) Для традиционного использования терминов КРЧ отмечается избегание слов *qoza* (как вокативного и как референтивного термина) и *aqay* (только как референтивного термина, в значении „старший брат”), с заменой их соответственно описательными терминами „отец моего сына, отец X-а” (где X — личное имя ребенка) и „сын моего отца”.

2) Обращает на себя внимание многозначность терминов *kuuy* и *ke'in* (любопытно, что термины симметричны в своей многозначности). Вероятно,

эту полисемию можно объяснить общим значением „родственник, приобретаемый через связи по браку”.

3) В КРЧ имеется специальный термин для первенца — *bohor*, восходит к др.-евр. *bəḵōr* ‘первородный (о людях и животных)’; можно предполагать позднейшую контаминацию с турецким, средним и южнобережным КРТ *bahar* ‘1) весна; 2) молодость, пора молодости’. Наличие термина отражает одну из религиозных традиций крымчаков — обряда *bohor satmax* (‘продажа первенца’). Аналогичный обряд, древнеевр. *pidyon haben*, известен и у других субэтнических групп евреев. Обряд связан с заповедью посвящать первенца Богу. В период существования Иерусалимского храма первенцы считались его „собственностью”. Затем обычай модифицировался, приобретя форму выкупа, символически выплачиваемого родителями ребенка коэну².

По рассказу А.М. Пейсаха, этот обряд проходил у крымчаков следующим образом (в квадратных скобках даны пояснения авторов статьи). „Раньше так было: к сыну=первенцу — если до него выкидыша не было, он чистый — приходит коэн, и ему ребенка „продают”. Отец выкупить должен. Мать держит пряжки серебряные от пояса, *тока* [*toqa*]. Коэна отец спрашивает: „Что ты хочешь — ребенка или *тока*?”. Коэн отвечает: „Ребенка”. Потом коэн молится и отдает ребенка и берет *тока*. Ребы [*rebi*, раввин], конечно, приходит. Тут угощение. Лехаим [выпивка]. Джонки [рукописные фольклорные сборники] читали. Плясали.” Как видно из приведенного рассказа, первоначальный смысл обряда в бытовом сознании крымчаков подвергся искажениям, хотя внешне обряд соответствует иудейской религиозной традиции.

Термину *bohor* у крымчаков придавалось большое значение, он употреблялся при обращении к первенцу (не только родителями) столь интенсивно, что в некоторых случаях воспринимался как личное имя (этому могла способствовать неясность этимологии термина основной массе крымчаков, не владевшим древнееврейским языком, а также известная чужеродность термина внутри чисто тюркской по происхождению терминологии родства). Иногда *Бохор* регистрировалось как единственное личное имя или как компонент двойного имени (например, *Бохор-Шолом*) в официальных документах. С утратой религии термин стал выходить из употребления.

² Коэн — представитель „сословия” жрецов, состоящего, согласно традиции, из прямых потомков библейского первосвященника Аарона по мужской линии и до сих пор выполняющих определенные функции при синагогальной службе. По оценке 1912 г., коэны составляли менее 1% крымчаков (Вайсенберг 1918: 118).

4) Параллельно с термином для первенца имеется термин для младшего ребенка в семье — *genze* (общетюркск. „последыш”); другое значение этого термина — ‘мизинец’; ср. совмещение названных значений в др.-евр. *qṭn* (соотв. *qaṭon* и *qoṭan*) и в идиш, ср. *miziniḳl*; для тюркских языков такое совмещение, в целом, вероятно типологически частое, относительно менее характерно.

5) В рамках терминологии родства КРЧ прослеживается взаимодействие вокативных и референтивных терминов. В частности, этимологически вокативные *aqay* и *aray* и сложные термины с этими компонентами внедряются в референтивную терминологию. Одновременно эти же термины используются как вокативные, причем как самостоятельные вокативы и как гонорифические постфиксы при именах старших/занимающих более высокое положение лиц, ср. *Avram=niṣim=aqay* ‘[дядя/господин] Аврам-Нисим’, *Ster=aray* ‘[тетя/госпожа] Эсфирь’. В последнем употреблении *=aqay/=aray* сохраняются у крымчаков и в русской речевой практике: подобное обращение к пожилым людям явно предпочтительнее названия по имени-отчеству.

6) Ряд терминов родства восходит к уменьшительно-ласкательным наименованиям, вероятно, исходно вокативным, — например, *axtḫe* < **axtḫ=ke*. Можно предположить аналогичное развитие для термина *ahke* (впрочем, здесь нельзя исключить и его происхождение из **aray=eke* ‘тетушка-госпожа’, ср. аналогичную структуру в *zinaqay*).

7) Ряд терминов родства и свойства образован метатезой компонентов или слогов, ср. *biy(=)aḡa* < **aḡa=biy* (турецк. *agabeu*, южнобережн. КРТ *aḡabi(y)*); *neṣe* < **emṣe* (с ассимиляцией билабиального), ср. турецк. *amṣa*, КРТ средн. *emze* ‘младшая сестра отца’, КРТ южнобережн. *emṣe/enṣe* ‘младшая сестра отца; жена дяди по отцу’, турецк. диалектн. *emze* ‘брат/сестра’ (дополнительная поддержка для формы *neṣe* могла исходить от турецк. *nene* ‘*amṣa ve dayı karışi*’).

8) Обращает на себя внимание множественность крымчакских терминов для третьего восходящего поколения, в особенности для прабабок. Можно предположить, что исходно для прабабки по женской и по мужской линии имелись только специфические термины. Затем это противопоставление начало утрачивать свое значение, в результате чего термин *qart=ana* стал употребляться недифференцированно, применительно ко всем предкам женского пола в третьем восходящем поколении. Термин *qart=babu*, по-видимому, сохранил свое исходное значение. Наряду с терминами с компонентом *qart=* ‘старый’, в КРЧ — как и в среднем КРТ — употребляются альтернативные термины на *biyuk=*, которые в большинстве других тюркских языков служат для обозначения родственников во втором восходящем поколении.

4. Словник референтивных терминов родства и свойства КРЧ.

Термины родства, свойства и некоторые близкие термины приводятся в алфавитном порядке. Помимо толкования, даются закодированные значения с использованием следующих символов: Д — дитя, Р — родитель, м — мужск., ж — женск., С — супруг, Э — Эго. При наличии оппозиции „старший — младший” надстрочной чертой помечается старший член противопоставления, подстрочной — младший. В цепочке из двух символов левый элемент — принадлежность, правый — посессор. Подробнее об используемом коде см. Левин 1970; Членов 1977.

ahke — вариант *apte* (см.)

ana — мать (РжЭ)

apau — тетка по отцу; старшая сестра; старшая сестра жены; старшая сестра мужа (ДжРРмЭ; $\overline{\text{ДжРЭ}}$; $\overline{\text{ДжРСЭ}}$)

arte — младшая сестра жены ($\overline{\text{ДжРСЭм}}$)

aqau — дядя по отцу; дядя по матери; старший брат; старший брат мужа (ДмРРЭ; $\overline{\text{ДмРЭ}}$, $\overline{\text{ДмРСЭж}}$)

ata — отец (РмЭ)

ata=ana — родители (собирательн.)

ata=babu — деды и бабки; прадеды и прабабки; предки (собирательн.)

axtxe — внук, внучка (ДДЭ)

babu — бабка по отцу (РжРмЭ) (по-видимому, из славянск., ср. гагаузск., турецк. диалектн. *babu* ‘старуха, бабушка’)

bala — ребенок, отпрыск (ДЭ)

bala=čağa — дети, потомки; младшие; домочадцы (собирательн.)

bažanax/baženax — мужчины, женатые на сестрах; младший брат жены (ДмРСЭм)

bebe — грудной ребенок, новорожденный

biy(=)ağa — братья мужа (обобщ. термин)

bohor — сын-первенец

biyuk=ağa — старший брат ($\overline{\text{ДмРЭ}}$)

biyuk=ana — бабка; прабабка (РжРЭ; РжРРЭ)

biyuk=ata — дед; прадед (РмРЭ; РмРРЭ)

doğmuş — кровный/близкий родственник

egiz/ekiz — близнецы

emček=ana — молочная мать

emček=apau — кормилица; молочная мать³

fax=axtxe — правнук, правнучка (ДДДЭ) (букв. „малый внук”, ср. средн.

КРТ *yufağ=torun* с той же структурой значения; *fax* <**yufağ*)

³

По-видимому, *emček=ana* указывает на отношение между лицами, а *emček=apau*, по крайней мере в исходном значении, — на занятие.

- genze* — младший ребенок (любого пола)
- ke'in* — невеста; жена дяди по отцу (младшая, чем Эго); жена дяди по матери; жена брата жены; жена брата мужа; жена младшего брата; младшая сестра мужа; невестка ($\underline{\text{СДмРРмЭ}}$; СДмРРжЭ ; СДмРСЭ ; СДмРЭ ; ДжРСЭж ; СДмЭ)
- ke'indeš* — женщины, замужние за братьями; младшая сестра мужа ($\underline{\text{ДжРСЭж}}$)
- kuu* — жених; муж тетки по обеим линиям; муж младшей сестры; зять (СДжРРЭ ; СДжРЭ ; СДжЭ)
- neše* — тетка по матери; жена старшего брата; жена дяди по отцу (старшая, чем Эго, ср. *ke'in*) (ДжРРжЭ ; СДмРЭ ; СДмРРмЭ)
- ogi=ana* — мачеха (СРмЭ); приемная мать
- ogi=ata* — отчим (СРжЭ); приемный отец
- ogi=bala* — пасынок, падчерица (ДСЭ); приемный ребенок⁴
- ogi=oğlu* — пасынок (ДмСЭ); приемный сын
- ogi=qız* — падчерица (ДжСЭ); приемная дочь
- oğlu* — сын (ДмЭ) (форма с суффиксом принадлежности, т.е. „его=сын“, $=u > *i$ под влиянием корневого лабиализованного гласного)
- pkana* — бабка по матери; бабка жены по матери (РжРжЭ ; РжРжСЭм) (*pkana* < $*pek=ana$, где *pek* — интенсифицирующая частица; по семантической структуре термин аналогичен распространенным тюркским наименованиям для второго-третьего восходящего поколения с компонентом *biuyuk* = ‘большой’)
- pkata* — дед по отцу; дед по матери; дед жены по обеим линиям (РмРЭ ; РмРСЭм) (*pkata* < $*pek=ata$)
- qayη=ağa* — братья жены (обобщ. термин) (*qayη* = *ağa* < $*qayin$ = *in* *ağa* = *sī* где *qayin* — общее наименование для ближайших родственников супруга любого пола)
- qayη=ana* — свекровь; теща (РжСЭ)
- qayη=ata* — свекор; тесть (РмСЭ)
- qardaš* — младший брат (у некоторых носителей — брат); сестра (в этом значении также *qız=qardaš*); младший брат жены; младший брат мужа (ДРЭ ; ДмРСЭ)

⁴ Традиционно у крымчаков введение в семью приемного ребенка--сироты (как правило, крымчака или ашкеназа) одобрялось и было широко распространено. По свидетельству информантов, носители среднего КРТ, составлявшие основное этническое окружение крымчаков, старались избегать введения в семью приемных детей-сирот, считая, что на них лежит „печать несчастья“. Соответственно, в среднем КРТ имелся особый термин для обозначения приемного ребенка, *evlet bala'* (букв.) [введенный в] дом ребенок'; термины для пасынка и падчерицы совпадали с крымчакскими.

- qart=ana* — бабка по женской линии одного из родителей (РжРжРЭ)
 (букв. „старая мать”)
qart=ata — прадед (РмРРЭ)
qart=babu — бабка по мужской линии одного из родителей (РжРмРЭ)
qiz — дочь (ДжЭ)
qoza — муж (СЭж)
quda — сват, сватья (РСДЭ); свойственник, являющийся близким
 родственником супруга
šeker — сестры жены (обобщ. термин)
tuğan — родственник, свойственник
tul — вдовец, вдова
tul adam — вдовец
tul xatın — вдова
xatın — жена (СЭм)
zinaqay — муж старшей сестры (СДжРЭ) (*zinaqay* < **izın* = *aqay*
 „хозяин = господин”)

Литература

- Вайсенберг С.А., *Коганиты и левиты в истории и современности*, „Еврейская старина” X, Пг. 1918.
 Дейнард Э., *Масо Крым*, [Варшава] 1878.
 Изидинова С.Р., *Фонетические и морфологические особенности крымскотатарского языка в ареальном освещении*, в: *Вопросы восточного языкознания*, М. 1983.
 Кая И.С., *Крымчаки*, „Еврейская старина” IX, Спб. 1916.
 Козинский И.Ш., Полинская М.С., *Об одном случае контактного взаимовлияния родственных языков: крымско-татарский, крымчакский, турецкий*, в: *Возникновение и функционирование контактных языков*, М. 1987.
 Куповецкий М.С., *Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет*, в: *География и культура этнографических групп татар в СССР*, М. 1983.
 Левин Ю.И., *Об описании системы терминов родства*, „Советская этнография” 1970, № 4.
 Самойлович А.Н., *Названия дней недели у турецких народов*, „Яфетический сборник”, т. 2, Л.-М. 1924.
 Сводеш М., *К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании*, в: *Новое в лингвистике*, вып. 1, М. 1960.
 Филоненко В.И., *Крымчакские этюды*, РО 35, 1, 1972.

- Чернин В.Ю., О появлении этнонима „крымчак“ и понятия „крымчакский язык“, в: *География и культура этнографических групп татар в СССР*, М. 1983.
- Чернин В.Ю., Крымчакское произношение иврита, в: *Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях*, М. 1988.
- Членов М.А., Опыт исследования малайской системы родства, в: *Малайско-индонезийские исследования*, М. 1977.
- Doerfer G., *Das Krimtatarische*, в: *Philologiae Turicae Fundamenta*, т. I, Wiesbaden 1959.
- Lazzerini E., *Crimean Tatar: The Fate of a Severed Tongue*, в: I. Krindler (ed.), *Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages*, Berlin-New York-Amsterdam 1985.
- Moskowitch W.A., Tukan W., *Du Parler des yuifs Krimtchaks*, „Massort“ 1986, v. 2.